

241981 III
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. КАРЕЛСОН

СОЮЗЫ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Diss. Trt.

334993

ТАРТУ 1959

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. КАРЕЛСОН

СОЮЗЫ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

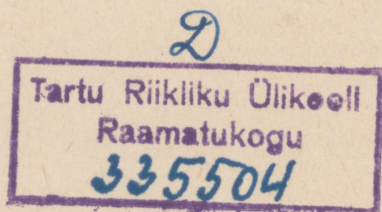
ТАРТУ 1959

Диссертация выполнена при кафедре финно-угорских языков Тартуского государственного университета. Научный руководитель: проф., докт. филол. наук П. Аристэ.

Защита назначена Ученым Советом историко-филологического факультета ТГУ на 18 XII 1959 года.

Дата отправления автореферата 18 XI 1959 г.

М. Мааросе Ученый секретарь:

В последнее время в финно-угорском языкознании возрос интерес к проблемам синтаксиса. На страницах языковедческих журналов появляются статьи по отдельным вопросам учения о предложении, усиленно исследуются члены предложения в финно-угорских и особенно в прибалтийско-финских языках и т. д. Вместе с тем, продолжают интенсивные исследования и в области фонетики, морфологии, этимологии и семасиологии. Многие работы касаются всех названных областей языкознания.

Проблема союза является с точки зрения учения о предложении, а также с позиций морфологии, этимологии и семасиологии одним из самых интересных вопросов языкознания, но в действительности изучена она пока очень поверхностно. Правда, у нас есть этимологическое истолкование отдельных конкретных союзов, но обобщений как по всем финно-угорским языкам, так и отдельным его языковым группам или языкам не имеется (исключение составляет труд венгерского лингвиста Ж. Симони «A magyar kötőszók, egyúttal az összetett mondat elmélette»).

В настоящей диссертации подвергаются более детальному рассмотрению союзы прибалтийско-финских языков. Так как объем данной темы слишком велик, мы ограничились в основном прослеживанием употребляемости и этимологии союзов. Одновременно в работе объясняются также и функциональные значения союзов, которые иллюстрируются соответствующими примерами из отдельных прибалтийско-финских языков и диалектов.

По содержанию работа состоит из введения и трех глав.

I

Во вступительной части диссертации рассматриваются важнейшие с точки зрения общего языкознания проблемы, связанные с общетеоретическими положениями о союзах, а именно: сущность союза, его происхождение, отношение и связь с другими частями речи, классификация союзов и т. д.

Так, в отношении самой природы, сущности союза в работе указывается, что это в основном абстрактная категория. В то

время как другие части речи основываются на явлениях реального мира и отражают в словарном фонде языка различные стороны проявления этого мира (например — имя существительное, глагол, местоимение, наречие и др.), у союза основы в объективной реальности не имеется. Союз — это формальное слово, которое указывает на синтаксические отношения, основывающиеся исключительно на логических законах мышления.

С точки зрения грамматики союз не выполняет самостоятельной синтаксической функции, так как он не может быть членом предложения, за исключением субстантивации союзов («И — это союз»), а также в случаях употребления в роли союзов относительных местоимений, наречий и других частей речи.

Назначение союза — связывать чисто логически отдельные члены предложения, части предложения или целые предложения. Поэтому предположение о том, что союз всегда связывает несколько предложений, никак нельзя признать справедливым, также как нельзя согласиться и с оперированием (в случае наличия союзов) понятием т. наз. потенциальных предложений, на что в свое время указывал Ю. Скалигер.

Категория союзов представляет собою известную часть в лексическом составе языка, выполняющую определенную функцию в предложении. Следовательно, союз связан с другими частями речи прежде всего синтаксически. Вместе с тем, союз может иметь с другими частями речи также и генеалогическую связь. Из наблюдений над различными языками вытекает, что союз — сравнительно молодая категория, образовавшаяся на базе других частей речи. Существуют языки, в которых союзов или вообще не имеется, или они употребляются редко и в крайне примитивном виде (напр. в ряде тюрко-татарских и финно-угорских языков). По происхождению союз особенно тесно связан с тремя частями речи — предлогом (и послелогом), наречием и местоимением. В индоевропейском языкознании союзы нередко объединяются с предлогами в одну часть речи (например у О. Есперсена, Х. Г. Вивеля, А. Нореена, Хансена и др.), так как в ряде случаев предлоги, как и союзы, связывают между собой отдельные слова (особенно в значении «вместе», «с») — ср. русск. *Отец с сыном пошли в город* и *Отец и сын пошли в город*; датск. *Han komter med sin kone* 'Он пришел вместе со своей женой' и *Han og hans kone komter* 'Он и его жена пришли' и т. д.; ср. также финск. *Isä pojan kanssa meni metsään* 'Отец вместе с сыном пошли в лес' и *Isä se k ä poika menivät metsään* 'Отец и сын пошли в лес'. Поэтому некоторые ученые (Х. Пауль, А. Нореен и др.) и считают возможным утверждать, что предлог тоже выполняет в предложении функцию связи слов. Так, О. Есперсен называет все слова, употребляемые в качестве предлогов и союзов, предло-

гами предложения Ф. Й. Вийдеман в грамматике черемисского языка также именуется союзы предлогами предложения.

Несмотря на общие синтаксические признаки союзов и предлогов (связывание слов в предложении), а также на то, что нередко (особенно в индоевропейских языках) одно и то же слово в простом предложении является предлогом, а в сложном — союзом, названные части речи нельзя объединять в одну категорию: необходимо придерживаться сложившейся традиционной классификации частей речи.

Критерием распознавания союза и предлога (и послелого) является падежное управление. Если соответствующее слово, находящееся на границе двух частей речи, требует определенного падежа, то его следует считать предлогом (финск. *Kaikki läsnäolijat paitsi minua osasivat venäjää* 'Все присутствующие, кроме меня, умели говорить по-русски'), в противном случае мы имеем дело с союзом (*Kaikki läsnäolijat osasivat venäjää, paitsi minä* 'Все присутствующие умели говорить по-русски, кроме меня').

Однако с точки зрения прибалтийско-финских языков изучение отношений между союзом и предлогом (или послелогом) является не столь важным вопросом, так как с подобной проблемой мы сталкиваемся здесь довольно редко. Чаще с этим явлением мы имеем дело в других группах финно-угорских языков. Например, в литер. удм. *бере* 'после того как' (союз) ~ 'после' (послелог); венгерск. *ellenben* 'наоборот' (союз) ~ *ellen* 'напротив' (послелог).

Второй частью речи, с которой союз имеет существенные точки соприкосновения, является наречие. Известно, что во всех языках большинство союзов образовалось или из наречий, или из других частей речи, но с помощью и посредством наречий. Это и обуславливает колебания при определении принадлежности слов к той или иной части речи. Сам процесс развития и перехода длился продолжительное время. Вначале наречия в определенной позиции могли выполнять, кроме функции наречия, также и функцию союза. Соответствующее слово, таким образом, в зависимости от контекста, относилось к двум частям речи. Затем основная функция — функция наречия — постепенно ослабевает и уступает место функции союза. В конце концов слово по своему значению могло совершенно измениться, и на его базе образовывался уже самостоятельный союз, ничего общего не имеющий с тем или иным наречием (эст. *et* 'что', финск. *että* 'что', венгерск. *mert* 'так как' и др.).

Существуют слова, находящиеся на границе наречия и союза (финский языковед М. Айрила называет их просоюзами). Некоторые союзы выступают лишь в качестве омонимов наре-

чия (эст. *aga* 'но, однако', литер. коми-зыр. *сõмын* 'лишь', венгерск. *azért* 'потому, для того' и др.).

Иногда бывает трудно установить, к какой части речи данное слово относится — к наречию или союзу. Такое затруднение возникает зачастую в том случае, когда мы имеем дело с модальными наречиями и союзами (эст. *nimelt* 'именно', финск. *kuitenkin* 'все-таки', финск. *taas* 'опять' и т. д.). Известную помощь при определении сущности подобных слов оказывает ударение: мы знаем, что союз никогда не является в предложении носителем логического ударения — в противоположность категории наречия.

В известных случаях в значении союза выступают несоюзные наречия, т. е. наречия, которые могут употребляться в роли союза или только при повторении самого слова (эст. *kord ... kord* 'то ... то', финск. *joskus ... joskus* 'то ... то' и др.), или в качестве компонента коррелятивного союза (эст. *kuni ... seni* 'до тех пор ... пока', финск. *mikäli ... sikäli* 'поскольку ... постольку' и др.).

С проблемой взаимосвязи союза и наречия тесно связан вопрос о т. н. союзных словах. К ним относятся местоименные прилагательные и наречия, относительные местоимения и употребляемые в этом значении вопросительные и указательные местоимения. Союдами их нельзя считать потому, что они могут быть не только союзом, но и самостоятельным членом предложения в соответствующем придаточном предложении.

Третьей частью речи, имеющей существенные точки соприкосновения (генетические) с категорией союза, является местоимение. Значительная часть союзов в отдельных языках и языковых группах базируется именно на местоименных основах и корнях. Особо следует указать при этом на относительные местоимения, некоторые падежи которых в процессе семантического развития и через посредство промежуточной адвербиальной ступени превратились в самостоятельные союзы. То же самое можно утверждать и относительно основ вопросительных и указательных местоимений. Так, в финно-угорских языках многие наречия и союзы образовались от основ следующих местоимений: *ku-*, *ko-*, *mi-*, *ja-*, *jo-*, *e-*, *se-*.

Отличить местоимение от союза сравнительно легко, т. к. местоимения обычно изменяются по падежам, а у союза падежных форм, как правило, нет. В финно-угорских языках исключение в этом отношении составляют только некоторые союзы с притяжательными суффиксами, которые изменяются по лицам (напр. — шведско-саамское *abma* 'чтобы не', но *abmam* 'чтобы я не', *abmah* ~ *ammata* 'чтобы ты не', коми-зырянск. *med*, *medõm* 'чтобы, для того чтобы', но в отрицательной форме: *medam* 'чтобы я не', *medad* 'чтобы ты не'), а также отдельные союзы

финского языка, если эти союзы сливаются с последующими спрягаемыми формами отрицательного по своему значению глагола (*mutten, muttet* и т. д. 'но я не, но ты не'). Сложнее обстоит дело в том случае, если какая-либо форма, первоначально относившаяся к парадигме склонения местоимений, приобретает дополнительно и значение союза — обычно ясность в значении этих слов вносится контекстом.

Кроме перечисленных выше точек соприкосновения с тремя основными разрядами слов; союз связан, хотя и в меньшей мере, и с другими частями речи, например, с существительным (эст. *osalt . . . osalt* 'частично . . . частично'), глаголом (финск. *näet* 'именно'), прилагательным (венгерск. *bár* 'хотя'), числительным (финск. *ynnä* 'и').

Союзы можно группировать на основе различных принципов, но наиболее известной является классификация по синтаксическому принципу. Начиная с XIX века стали выделять сочинительные и подчинительные союзы, причем эту классификацию можно считать общепринятой и в современном языкознании. Иногда делаются попытки группировать союзы несколько иначе (напр., В. Брендалль выделяет копулативные и ситуативные союзы; в одном справочнике по английскому языку, изданном в Нью-Йорке, рассматриваются сочинительные, подчинительные и коррелятивные союзы — *correlative conjunctions*), но эти новые установки на практике оказываются непригодными, и поэтому целесообразнее придерживаться традиционной синтаксической классификации (деление на сочинительные и подчинительные союзы).

Сочинительные и подчинительные союзы могут, в свою очередь, подразделяться на несколько подгрупп — в зависимости от значения и грамматических особенностей союзов в том или ином языке. Однако с течением времени образовались традиционные подгруппы союзов. Так, в эстонском, финском и в большинстве других прибалтийско-финских языков сочинительные союзы делятся сейчас на соединительные, разделительные, противительные, союзы следствия и пояснительные союзы. Подчинительные союзы в прибалтийско-финских языках делятся, в свою очередь, на следующие группы: союзы общеподчинительные, следствия, цели, причины, времени, условия, сравнения, уступительные и вопросительные.

Как сочинительные, так и подчинительные союзы подразделяются у некоторых авторов на подгруппы, которые не совсем совпадают с традиционной группировкой союзов, что объясняется своеобразием лексики и грамматики соответствующего языка. В данной диссертации автор придерживается наиболее целесообразной, т. е. традиционной классификации союзов,

причем из разряда подчинительных опускаются лишь вопросительные союзы, т. к. слова, которые обычно включают в эту подгруппу, вообще нельзя считать союзами. Такой же точки зрения придерживается и финский лингвист А. Пенттиля.

Союзы можно группировать также и соответственно их структурным особенностям. В настоящей диссертации на основании структурного своеобразия союзы разбиваются на следующие группы: простые (эст. *aga* 'но', ливск. *un* 'и', финск. *että* 'что' и т. д.), сложные (эст. *sellepärast* 'потому', вепск. *siłaigal* 'в то время как, тогда' и др.), составные союзы (эст. *sellepärast et* 'потому что', водск. *potomu što* 'потому что' и др.), групповые союзы (эст. *mitte ainult ... vaid ka* 'не только ... но и', финск. *sekä ... että* 'как ... так и' и др.), повторяющиеся союзы (водск. *libo ... libo* 'либо ... либо', вепск. *i ... i* 'и ... и' и др.), коррелятивные союзы (эст. *mida ... seda* 'чего ... того', карельск. *ken ... še* 'кто ... тот' и др.).

II

Первая глава диссертации в какой-то мере является также вводной частью, так как в ней трактуются в основном теоретические вопросы. Однако объектом наблюдений в этой главе служат уже конкретные финно-угорские языки, а именно здесь прослеживаются взаимоотношения структуры предложения и союзов в данных исследуемых языках.

На основании взятых из финно-угорских языков примеров можно констатировать, что во всех современных финно-угорских языках преобладают простые предложения, в которых часто вообще нет союзов. Это особенно свойственно разговорному языку, языку народных сказок, поговорок, пословиц и т. д. В языках с более древними письменными традициями — в эстонском, финском и венгерском языках — простые предложения встречаются реже, чем в других финно-угорских языках. Благотворное влияние в данном случае оказала и тесная связь с неродственными (прежде всего индоевропейскими) языками, доказательством чему служит, например, более сложное строение предложения и в саамском языке (а также большое количество союзов) по сравнению с обско-угорскими, пермскими и волжскими языками.

Вместе с тем, в финно-угорской языковой группе встречаются также и простые предложения с союзами (предложения с однородными членами), хотя они и менее употребительны, (например, в обско-угорских и пермских, а частично и в волжских языках). Сложное предложение, по сравнению с простым, встречается реже, но во всех современных финно-угорских язы-

ках мы имеем дело, как со сложносочиненными, так и сложноподчиненными предложениями. Сложносочиненные предложения в обско-угорской группе, а в значительной мере и в пермской группе в преобладающем большинстве случаев бессоюзные. В волжской группе и прежде всего в мордовском языке мы имеем дело уже с подлинным союзным сложносочиненным предложением. Однако и здесь в речи (как и в обско-угорских и пермских языках) преобладают бессоюзные сложносочиненные предложения, употребление же союза обусловлено, по-видимому, влиянием русского языка. Часто влияние русского сложносочиненного предложения прослеживается и в восточной группе прибалтийско-финских языков (в вепском, ижорском, карельском и водском языках).

Такое же положение и в сложноподчиненных предложениях финно-угорских языков, которые встречаются сравнительно редко, причем обычно также не имеют союзов. Так, напр., в обско-угорских, пермских, а также волжских языках преобладают бессоюзные предложения.

Можно предположить, что первоначально, на заре развития финно-угорских языков им были присущи лишь простые предложения. Поскольку простое предложение оказалось недостаточным для выражения более сложных и точных логических связей между явлениями и понятиями, появилась настоятельная потребность в сложном предложении, которое затем постепенно развивалось и усложнялось. В первоначальном примитивном сложном предложении не было никаких средств связывания слов, не говоря уже о союзе как особой части речи. Сложное предложение состояло из ряда следующих друг за другом простых предложений, причем только очень тесная смысловая связь позволяла считать их одним сложным предложением. Категория союза развилась позже.

В настоящее время сложноподчиненное предложение по своей общей структуре значительно сложнее, а по средствам выражения богаче, чем сложносочиненное предложение. Поэтому наиболее древним типом сложного предложения следует считать сложносочиненное предложение. В действительности же сложносочиненное и сложноподчиненное предложения очень близки друг другу, между ними нет резкой грани, и поэтому иногда трудно установить сам вид сложного предложения.

Во всех современных финно-угорских языках (в одних в меньшей, в других в большей мере) мы имеем дело с союзами, которые или заимствованы из других языков в результате тесного и продолжительного языкового общения с последними, или развились на базе собственного языкового материала из других частей речи.

В финно-угорских языках существуют союзы, заимствованные из русского языка (в обско-угорской, пермской и волжской группе, а отчасти и в прибалтийско-финских языках), из германских языков (в прибалтийско-финской группе и в саамском языке), латышского языка (в южной группе прибалтийско-финских языков) и из тюрко-татарских языков (например, в марийском и удмуртском языках). Следует отметить, что в обско-угорских и пермских и в значительной мере и в волжских языках (особенно в марийском языке), а также в восточной группе прибалтийско-финских языков (в вепском, ижорском, карельском и водском) преобладают именно заимствованные союзы.

Итак, в финно-угорских языках в свое время (в некоторых языках и сейчас) союзов вообще не было. Поэтому структура предложения в древности во многом отличалась от построения современного предложения.

Какова была структура прежних предложений и как можно было строить фразы без союзов — все это прекрасно иллюстрируется и в наше время тем богатым языковым материалом, который сохраняется в разговорной речи и фольклоре тех или иных языков.

Оказывается, что союзы и их функции выражались целым рядом языковых средств. К ним относится расположение отдельных частей предложения и целых предложений в строгой последовательности друг за другом, использование конструкций с отглагольными существительными и отглагольными наречиями в качестве придаточных предложений, употребление самих относительных местоимений и относительных наречий, а также использование различных падежей, вместо соединительного союза со значением 'и'. Менее известным модусом является повторное употребление дуального (например, в хантыйском языке) или притяжательного суффикса (например, в пермских языках) и целый ряд других возможностей. Все эти средства связи и соответствующие конструкции предложений встречаются в некоторых языках и в настоящее время.

Можно предполагать, что первоначально в сложном предложении, составленном из простых предложений, союзов не было, но затем для выражения связи между отдельными предложениями стали пользоваться относительными местоимениями и наречиями, а также прибегать к особым конструкциям с отглагольными существительными и отглагольными наречиями.

Развитие структуры предложений неизбежно вызывает появление союзов и, наоборот, неуклонный рост количества союзов и их значения, в свою очередь, влияет на развитие предложения. Можно предположить, что этот процесс приведет

к тому, что сложное предложение примет в конце концов четкие структурные формы во всей финно-угорской языковой группе.

III

В прибалтийско-финской группе языков категория союзов развита в большей мере, чем в других финно-угорских языках, причем большинство союзов не заимствовано из других языков. Во второй, основной главе диссертации подробно рассматриваются эти исконные прибалтийско-финские союзы. Глава делится на несколько частей, соответственно тому, от какой части речи те или иные союзы образуются. В работе прежде всего отмечается, что значительная часть исконных прибалтийско-финских союзов образовалась от местоименных основ (от основ относительных и употребляющихся в аналогичном значении вопросительных местоимений, а также от основ указательных местоимений).

Многие местоименные основы в настоящее время стали крайне непродуктивными, утратили свою первоначальную функцию, причем застывшие формы таких местоимений выполняют роль в основном наречий и союзов. Так, союзы образовались от таких местоименных основ, как *e-*, *ja-*, *jo-*, *ko-*, *ku-*, *mi-*, *mū-*, *se-*, *to-*.

Основа *e-* в финно-угорской лингвистической литературе нередко считалась вариантом основы *jo-*, т. е. параллельной формой основы *jo-* (А. Генетц, Э. Сетэлэ). Сравнение с неблизко родственными языками указывает на то, что *e-* — это самостоятельная основа особого древнего финно-угорского указательного местоимения, которая в прибалтийско-финских языках сохраняется лишь в нескольких наречиях и союзах. В качестве союза — в эст. *ehk* 'или', водск. *ehtši* (реже *ehki*) 'или, либо', финск. *ehkä* 'хотя'; эст. *elik* ~ *ellik* 'или, либо', ижорск. *eli* 'или', финск. *eli* (также *elli*, *elikkä* ~ *ellikkä*) 'или', карельск. *eli* 'или'; водск. и финск. *ellä* 'если'; финск. *eltei* 'если не'; эст. и финск. (арх.) *es* 'если'; эст. *et* 'что, чтобы', водск. *etti* 'что', ижорск. *että* (~ *etti*) 'что', финск. и карельск. *että* 'что, для того чтобы'. В ливском и вепском языках союзов с основой *e-* вообще нет.

Следует отметить, что эст. *ehk* и финск. *ehkä*, вероятно, представляют собою формы прежнего, в настоящее время в прибалтийско-финских языках неупотребительного, сравнительного падежа (сравни с окончанием сравнительного падежа *-ška* в мордовском языке); в водском языке в этом же слове мы имеем дело с изменением конечного гласного (*ehtši* ~ *ehki*). Эст. *elik* ~ *ellik*, а также ижорск., финск. и карельск. *eli* часто

относят к древним скандинавским (древнешведским или древнескандинавским) заимствованиям (А. Генетц, Э. А. Экман, Э. Н. Сетэлэ), но в действительности в слове *eli* мы имеем дело с основой *e-* и суффиксами *-li-* и *-k* (последний равен суффиксу латива); в формах *elik* ~ *ellik* и *elikkä* добавляется еще ударное *-kä* (< *elik* + *kä*). Из других союзов с основой *e-* *ellä* — это древний адессив, *eltei* — аблатив (к нему присоединилось еще личное окончание 3 л. ед. числа от глагола с отрицанием: *eltei* < *ellä ei* 'если не'), *es* — это древний иллатив.

Споры вызывала этимология союза *et* ~ *että*. Это слово считалось древнешведским или древнескандинавским заимствованием (А. Алквист), или абессивом вопросительного местоимения *ken* 'кто', в котором начальное *k-* утрачено (О. А. Ф. Блумштедт), или особым параллельным вариантом слова *jotta* 'что' (А. Генетц, Н. Андерсон). Чаще всего *et* ~ *että* считали партитивом основы *e-* (Х. Оянсуу, Э. А. Тункело, к которым присоединяется и Л. Хакулинен).

Ни одна из этих точек зрения собственно не может быть признана правильной, т. к. учитывая звуковой состав слова, этот союз следует считать абессивом древней основы *e-*.

По своим основным функциям союзы, образованные от древней основы *e-*, имеют след. значение: эст. *ehk* — разделительное значение (реже уступительное), водск. *ehtsi* ~ *ehki* — тоже разделительное, финск. *ehkä* — уступительное; эст. *elik* ~ *ellik*, ижорск. *eli*, финск. *eli* (~ *ellikä*) и карельск. *eli* — разделительное знач.; водск. и финск. *ellä* и финск. *eltei* — условное; эст. и финск. *es* — условные и уступительные союзы; эст. *et*, водск. *etti* и ижорск., финск. и карельск. *että* имеют общеподчинительное значение, а также значение цели, причины и следствия. В финских диалектах *että* употребляется также в функции пояснительного союза. У Агриколы *että* употребляется и в значении уступительного союза.

Местоименная основа *ja-* считалась также параллелью основы *jo-*, но в действительности основа *ja-* претерпевала такие звуковые изменения (в некоторых формах начальное *j* > \emptyset), каких мы в основе *jo-* не обнаруживаем. К тому же основа *ja-* встречается и в саамском языке, и поэтому правильнее считать ее самостоятельной основой древнего относительного местоимения.

С точки зрения образования союзов основа *ja-* мало продуктивна — можно указать лишь на финское *jahka* 'если; когда'; финск. (диал.) *jaksi* 'если'; эст. (диал.) *as* 'если' и ливск. *jaz* 'когда; если'. По своей форме *jahka* является, по-видимому, сравнительным падежом соответствующей местоименной основы *ja-* (ср. образование от основы *e-* *ehk* и *ehkä*); *jaksi* — это

транслатив и *jaz ~ as* (< **jas*) древний иллатив. Союзы с основной *ja-* выступают обычно в значении условия или времени.

Основа *jo-* происходит из древнего финно-угорского указательного местоимения, причем в деле образования союзов она значительно более продуктивна, чем основа *ja-*. С основой *jo-* образуются следующие союзы прибалтийско-финских языков: финск. (диал.) *jokka* 'когда'; финск. *jolla* 'если'; финск. (диал.) *jols* (*jolsen*, *jolset* и т. д.) 'если'; финск. (диал.) *jolta* 'если'; финск. (диал.) *jonsa* 'если'; эст., ливск., водск., ижорск., финск., карельск. и вепск. *jos* 'если'; финск. (диал.) *jossa* 'если'; финск. (диал.) *josta* 'если'; водск., ижорск., финск. и карельск. *jotta* (~ *jot*) 'чтобы, для того чтобы; так что'. Союз *jokka* — это прежняя форма сравнительного падежа (вероятно, < *johka*); *jolla* — адессив, *jolta* — аблатив, *jos* — древний иллатив, *jossa* — инессив, *josta* — элатив, *jotta* — абессив. Союз *jotta* некоторые ученые (Х. Оянсуу, Э. А. Тункело и др.) считают партитивом основы *jo-*, однако звуковой состав сближает его скорее с падежной формой абессива. Такой же этимологии придерживается и Т. И. Итконен. Союз *jonsa* является, по-видимому, определенной формой наречия от основы *jo-*, в которой первоначально была аффриката **ndž*; происхождение союза *jols* (< *jolsa*) до сих пор еще неясно, но предполагается, что это или контаминация слов *jolla* и *jonsa*, или производная форма от **jollas*.

Союзы с основой *jo-* выполняют обычно функцию условных союзов (союзы *jolla*, *jols*, *jolta*, *jonsa*, *jos*, *jossa*; возможно, что и в настоящее время употребляющийся временной союз *jokka* также имел условное значение). Союз *jos* в финском языке имеет, хотя и реже, уступительное, общеподчинительное и сравнительное значение. Союз *jotta* употребляется в прибалтийско-финских языках при значении пояснения, а также как союз следствия, цели, причины и в случае общеподчинительной функции.

Союзы образуются и от древних финно-угорских основ *ko-* и *ku-*, которые первоначально входили в состав вопросительных местоимений, но их можно рассматривать и как основы относительных местоимений. В лингвистической литературе основы *ko-* и *ku-* обычно рассматриваются вместе, причем нередко основа *ko-* считается особым вариантом *ku-*. В действительности же *ko-* и *ku-* не в полной мере параллельны, т. к. в некоторых языках или одна из них преобладает над другой, или получает распространения лишь одна из основ. В союзах также иногда отмечается параллельное употребление названных основ (финск. *kun ~ kon* 'когда'; *kutta ~ kotta* 'когда; как'), но обычно это лишь исключение из общего правила.

Учитывая сказанное, мы рассматриваем в настоящей работе основы *ko-* и *ku-* отдельно.

От основы *ko-* образовались следующие союзы: эст. (диал.), водск. и ижорск. *ko* 'когда', финск. (диал.) *kon* ~ *ko* 'как, когда'; эст. (диал.) *kõs* 'когда', водск. *kens* 'когда', ижорск. *kons* 'когда', финск. *konsa* 'когда', карельск. *konz* 'когда', вепск. *konz* 'когда', ливск. *koñts* 'пока'; финск. и карельск. *koska* 'что, так как'; финск. (диал.) *ko'en* (~ *ko'et* и т. д.) 'когда не'; эст. (арх.) *kot* 'как' и финск. (арх.) *kotta* 'когда'. Из них *kon* ~ *ko* (< **kon*) — инструктив, *koñts* — терминатив, (< **konnis*), *koska* — древний иллатив вместе с ударным суффиксом *-ka* (< **kos* + *ka*), *kotta* — (также эст. *kot*) абессив и *ko'en* (~ *ko'et* и т. д.) — это первоначальный партитив (< **kota*), к которому присоединяется отрицательное слово в особой для каждого лица форме (*ko'en* < *kota en* и т. д.). Союз *konsa* является, по всей вероятности, первоначально адвербиализировавшейся формой от основы *ko-*, в которой ранее произносилась аффриката **ndž* (ср. *jonsa* 'если' от основы *jõ-*). Следует отметить, что в некоторых современных прибалтийско-финских языках слова с основой *ko-* могут восходить и к инструктиву ед. или мн. числа основы *ku-*. Подобное фонетическое изменение, особенно заметное в быстрой речи, мы наблюдаем, напр., в водском, ижорском и эстонском языках; поэтому *ko(n)* может восходить к *ku(n)* или *kui(n)*.

Все союзы с основой *ko-* (отсутствуют данные лишь о союзах *kot* ~ *kotta*) могут выполнять временную функцию. Кроме того, *ko(n)* может иметь значение условия, сравнения и причины; *konsa* и *koska* — значение причины, причем причинность является основной функцией союза *koska*. В единственном зарегистрированном эстонском примере слово *kot* выступает в значении сравнительного союза.

Союзы с основой *ku-* подразделяются на две группы — в зависимости от того, происходит ли слово от основы ед. (*ku-*) или множ. (*kui-*) числа. Преобладают союзы первой группы, в которую входит характерный для всей прибалтийско-финской языковой группы *ku* ~ *kun* 'когда, если, как'; эст. *kuna* 'в то время как', прибалтийско-финск. *kun(n)i* ~ *kun(n)is* ~ *kunne'* ~ *kunnes* 'пока'; финск. (диал.) *kunsas* 'когда'; финск. (диал.) *kunt'en*; к этой же группе относится эст. (арх.) *kus* и финск. (арх.) *kussa* 'когда, если'; финск. (диал.) *kuta* (чаще производные *ku'en*, *ku'et* и т. д.) 'когда'; финск. *kuten* 'когда, как'; эст. (диал. и арх.) *kut* 'как, когда', финск. (арх.) *kutta* 'как', вепск. *kut* 'как, когда, если'.

По форме *ku* ~ *kun* является древним инструктивом ед. (< *kun*) или множ. ч. (< *kuin* >> *ku(n)*); *kuna* — является

эссивом, а *kunne'* ~ *kun(n)is* ~ *kunnes* и т. д. — терминативом (они произошли соответственно от форм **kunnik*, **kunnek*, **kunnis* или **kunnes*); *kus* и *kussa* — это инессив, *kuta* — партитив, *kuten* — партитив + инструктив (< *kutaen* < **kutain*), *kut* и *kutta* — это древний абессив. Союз *kunsas* (< *kunsa sa* 'если ты') представлял собою определенную первоначально адвербиализовавшуюся форму от основы *ku-* (ср. *jonsa* и *konsa*), в то время как *kunt'en* произошло от слияния слова *kunta* и формы I лица ед. ч. глагола с отрицанием. Корневое слово **kunta* в свою очередь, образовалось, по-видимому, из инструктива ед. ч. основы *ku-*, с которым слилось окончание партитива *-ta* (? **kunta* < *kun+ta*).

Союзы с основой *ku-*, о которых шла речь выше, выполняют обычно временную функцию (*ku(n)*, *kuna*, *kun(n)i* ~ *kun(n)is* и т. д.; *kunsas*, *kus* ~ *kussa*, *kuta*, *kut*). Кроме того они могут выполнять в различных языках и другие функции. Так, *ku(n)* может быть условным, общеподчинительным, сравнительным, причинным союзом, а также союзом цели, следствия, уступительным, противительным (если *kun* < *muuta kun* 'но') и соединительным союзом; *kuna* выражает причинное значение, *kuni* — союз сравнения (в финск.), *kus* — союз условия, *kuta* (редко) — союз следствия, а *kut* — союз сравнения и условия. Союзы *kutta* и *kuten* употребляются лишь в качестве союзов сравнения — временных значений они не выражают. Данные об употреблении союза *kunt'en* отсутствуют, но по материалам А. Генетца (у него *kunt'en* = *jolt'en*, *kuten*) можно предполагать, что он, по-видимому, связан со значением условия и сравнения.

Сравнительно малочисленна та группа союзов, которая образовалась от основы множ. ч. *kui-*. К ней относятся следующие союзы: характерный для всей прибалтийско-финской группе *kui* ~ *kuin* 'когда, если, как, и т. д.'; эст. *kuid* 'но'; эст. *kuigi* 'хотя'; эст. (арх.) *kuit* 'как будто'; финск. *kuiten* 'как будто'; эст. (диал.) *kuitten* 'как будто', карельск. *kuit'en* 'как будто'; финск. *kuitenkin* 'все же, все-таки'. Слово *kuitenkin* относят то к наречию, то к союзу.

По форме *kui(n)* является инструктивом множ. ч. от основы *ku-*; *kuigi* — это, вероятно, та же форма с добавлением суффикса *-gi*; *kuit* — форма абессива (< **kuitta*), а *kuiten* ~ *kuit'e* (может быть, и эст. *kuitten*) — это сочетание партитива с инструктивом (< **kuitaen* < **kuitain*). В слове *kuitenkin* может быть выделен ударный суффикс *-kin*, который слился со словом *kuiten*. Происхождение эстонского слова *kuid* не совсем ясно, но по форме можно предполагать, что здесь мы имеем дело с партитивом (? < **kuita*).

В группе слов с основой *ku-* преобладающее значение имеют

союзы сравнения (*kui(n)*, *kuit*, *kuiten* ~ *kuitten*), но среди них немало и противительных союзов (*kuid*, *kuitenkin*). Следует отметить, что противительному союзу весьма близок уступительный союз (*kuigi*): Союз *kui(n)* в отдельных прибалтийско-финских языках может одновременно выступать и как союз времени, причины, следствия, условия, и как общеподчинительный, целевой, соединительный союз.

Основа *mi-* представляет собою древнюю финно-угорскую основу вопросительного и относительного местоимения (в более отдаленных родственных языках она имеет форму *me-* или *ma-*).

В прибалтийско-финских языках союзов с основой *mi-* сравнительно немного. К ним относятся карельск. *mi* и *min* 'как будто' и вепск. *mi* 'что, так что'; эст. (диал.) *miks* (и *meks*) 'так как', финск. (диал.) *miksi* 'так как'; эст. (редко) *mis* 'так что' и водск. *mitä* 'что; так как', вепск. *mida* 'так как'.

Союзы *mi* и *min* — это древний инструктив указанной выше основы (*mi* < *min*, ср. также *ku* < *kun*, *kui* < *kuin*), *miks* и *miksi* — транслатив, *mitä* и *mida* — партитив. В эст. слове *mis* согласный *s* восходит к древнему вопросительному суффиксу (ср. *kunas*, *millas*, *kes*), но *mis* в роли союза употребляется сравнительно редко.

Miks и *miksi*, а также *mitä* и *mida* выполняют функцию причинного союза, *mis* — союз следствия, в то время как вепск. *mi* выступает в роли общеподчинительного союза, союза следствия, цели, причины и сравнения. Карельск. *mi* ~ *min* имеет значение союза сравнения.

Основа древнего финно-угорского неопределенного местоимения *mū-* (в родственных языках также *mo-*, *mō-*, *ma-* и т. д.) тоже послужила базой для образования некоторых союзов. В прибалтийско-финских языках к ним относятся ижорск., финск. и карельск. *mut* ~ *mutta* 'но, однако', а также эст., водск., финск. и карельск. [*mūta*], составляющее часть сложных и составных союзов, например, эст. *muudkui* 'но', водск. (в кривинском диалекте) *muggu* 'но', финск. *muuta kuin* 'но' и карельск. *mūta kun* 'но'. Противительный союз *mutta* ~ *mut* является несомненно абессивом упомянутой основы *mū-* (< **mutta*), хотя некоторые и считают его партитивом (Л. Хакулинен), не учитывая звукового состава этого союза. Беспорным партитивом является слово *mūta*. Союзы, образованные при помощи *mūta*, являются противительными по своей функциональной нагрузке.

Кроме того, в связи с основой *mū-* необходимо упомянуть арх. финск. союз *muitta* 'однако' (у Агриколы) и употребляемый лишь в качестве повторяющегося союза *mwina... mwina* (иногда *mwinna... mwinna*) 'то... то'. Если в приведенных

выше союзах нет орфографических ошибок, допущенных самими авторами, то мы имеем дело в данном случае с различными падежами множ. ч. основы *mū-* (*mui-*). Несомненно, что *muitta* — это абессив и *muina ~ muinna* — эссив, независимо от того, является ли исходной формой этих образований ед. или множ. ч. основы *mū-*.

В прибалтийско-финских языках весьма продуктивна основа древнего финно-угорского указательного местоимения *se-*, которая в свою очередь образует три (вернее, четыре) различных варианта, а именно основы *se-*, *si-*, *sī-* и суплетивную форму мн. ч. *nī-*.

Из варианта *se-* образовались эст. (диал.) *seks* 'потому что' и ливск. *sieks* 'потому что'; ижорск. и финск. *sekä* 'и; и вместе с тем'; южноэст. (диал.) *selle* 'потому что'; водск. (в кривинском диалекте) *šenn* 'потому что'; эст. *sest* и ливск. *siest(ā)* 'потому что'. Из них *sekä* образовалось от основы *se-* при помощи суффикса *-kä*; эстонское *selle* является генитивом данной основы, а *sest* — элативом (< **sesta*). Происхождение слова *šenn* не совсем ясно, но во всяком случае и здесь мы имеем дело с местоименной основой *se-*. Происхождение союзов *seks ~ sieks* также не совсем ясно. По форме они являются транслативом (ливск. *sieks* — это первоначально транслативкомитатив), но выполняют функцию как союза, так и наречия.

По своей функции *sekä* — соединительный союз; *selle, šenn* и *sest* — союзы причины; *sest ~ siest(ā)*, вместе с тем, иногда выступает и как союз следствия.

От варианта *si-* образовались вепск. *sida* 'потому что', финск. *siksi* и вепск. *sikš* 'потому'; финск. *silloin* 'тогда', карельск. (калининск. диал.) *šilloin* 'тогда', вепск. *siloi* 'тогда'; водск. и финск. *sillä* 'потому что'; водск. *siltä* 'потому что', финск. *siltä* 'потому что'.

По форме *sida* является партитивом, *siksi* и *sikš* транслатив, *sillä* — адессив и *siltä* — это аблатив (водск. *siltä* < **siltään*, в котором первоначально, по-видимому, был притяжательный суффикс). Слова *silloin, šilloin* и *siloi* следует считать сложными формами, в которых одним компонентом является адессив *sillä*, а другим — инструктив от слова *aika* 'время' *ajoin*.

Функции союзов от основы *si-* не всегда можно точно разграничить, так как значения, носителями которых они являются, очень близки друг другу. Однако удалось установить, что *sida* выполняет обычно функцию союза следствия и причины, *siksi* и *sikš* — союз следствия, *silloin (~ šilloin ~ siloi)* — тоже союз следствия; *sillä* — пояснительный союз, а также союз следствия и причины, *siltä (~ siltä)* — союз следствия.

По данным А. Генетца и Й. Р. Аспелина, финск. *siltä* может быть и союзом следствия, а также противительным союзом, однако на основании конкретного языкового материала автору работы не удалось этого доказать.

От варианта *sī-* происходят эст., ливск., водск., ижорск. и финск. *siis* 'тогда' (часто употребляется краткая форма *sis*), а также эст. *siiski* 'все-таки' и водск. *siittä* 'потому что', причем *siis* — это древний иллатив, *siiski* состоит из слова *siis* и суффикса *-ki*, а *siittä* — абессив. Учитывая звуковые особенности союза *siittä*, мы не можем считать его партитивом (ср. *että, jotta, kotta, kutta, mutta*).

По функции *siis* — это союз следствия, *siiski* — противительный союз, а *siittä* — союз причинный.

От суплетивного множ. ч. основы *se-*, имеющий форму *nī-*, происходят эст. и водск. *nii* 'так' (краткая форма *ni*), ливск. *nei* 'так, тогда', ижорск., финск. и карельск. *niin* ~ *nii* (краткая форма также *nin* и *ni*) 'так, тогда' и эст. первоначально сложный союз *ning* 'и'. Союз *nii(n)* — это инструктив упомянутой выше основы, но происхождение *ning* не совсем ясно. По этому вопросу существует две точки зрения: во-первых, *ning* возводится к инструктиву основ *nī-* и *kui-* (< **nīn kuin* — см. у П. Аристэ); во-вторых, *ning* возводится к сложной форме, состоящей из основы *nī-* и суффикса *-kä* (< **nīnkä* — см. у Х. Оянесу и Й. Мягистэ). По функции *nii(n)* — союз следствия, а *ning* — соединительный союзы.

Кроме перечисленных выше местоименных основ, следует отметить также и основу указательного местоимения *tō-*. К суплетивному инструктиву (*nō-*) множ. ч. **noin*, образованному от основы *tō-*, возводится эст. союз следствия *nōnda et* ~ *nōnda et* (*nōnda* ~ *nōnda* < **noin taßoin* 'таким образом').

Итак, самыми продуктивными местоименными основами, от которых образуются союзы, являются основы *se-*, *ku-*, *jo-*. От других местоименных основ образовалось меньшее количество союзов. В роли союзов выступают все падежи древних местоимений (речь идет не только о простых, но и о других видах союзов), кроме аллатива. Следует отметить, что иногда в союзах мы имеем дело со слиянием нескольких падежных окончаний, как напр. в слове *kuten* 'как' (партитив и инструктив) и др. Часто к союзам присоединяется суффикс с усилительным, модальным или каким-либо другим оттенком значения (ср. финск. *jos* ~ *joskaan* ~ *joskin*, эст. *siis* ~ *siiski*, эст. *kui* ~ *kuigi* и др.).

Все прибалтийско-финские союзы с местоименными основами образовались непосредственно из наречий, т. е. прошли промежуточную адвербиальную ступень развития.

Однако имеется целый ряд таких союзов, которые, хотя и происходят от наречий, но не имеют ничего общего с местоименными основами. Часто такие слова и сейчас еще являются наречиями, но могут одновременно выступать и в роли союзов. Некоторые союзы, образованные от наречий, в свою очередь, первоначально были не местоимениями, а другими частями речи, прежде всего существительными. В следующей группе объединены именно те наречные союзы, первоначальное субстантивное происхождение которых не совсем ясно, также союзы, первоначальное происхождение которых проблематично.

К таким союзам относится, например, водск. *ain* 'все же, все-таки' (ср. эст. и финск. наречия *aina* 'все же, все-таки'); финск. (диал.) *aivastee* 'лишь' (ср. финск. *aivastansa*, *aiva* 'лишь, однако' и эст. *aiva* 'лишь'); финск. (диал.) *arvolleen* 'все-таки' (ср. финск. наречие *arvolleen* ~ *arvollensa* 'все-таки'); эст. (арх.) *eranes* (ср. финск. *eränensä* 'особенно'), эст. *äranis* 'особенно'; ливск. *e'žmāks* 'прежде чем' (< *e'žmāks ku* 'раньше чем, прежде чем'); лив. *jedlem* 'прежде чем' (< *jedlem ku* 'прежде чем'; ср. *jedlem* 'раньше, прежде'); финск. (из «Калевалы») *kaikitenki* 'все-же, во всяком случае' (ср. финск. *kaikiten* 'во всяком случае, непременно'); вепск. *muga* 'то, следовательно' (ср. финск. *muka* 'именно'); финск. (диал.) *täyvelleen* ~ карельск. *täüvelläh* 'все-таки' (ср. финск. наречие *täyvelleen* 'все-таки, однако'); финск. *vieläpä* ~ карельск. *vieläbö* 'даже, кроме того' (ср. эст. *veel* 'еще', финск. и карельск. *vielä* 'еще'; к последнему слову присоединится усилительный суффикс *-pä*, в карельск. иногда добавляется *-bö* 'же'). Происхождение союза *amut* 'тем более, тем менее', встречающегося в финских диалектах, не совсем ясно. Иногда его связывают (напр. Л. Хакулинен) со словом *ammoin* 'давно', некоторые (напр. Л. Кеттунен) считают это слово руссизмом (ср. русск. *a to*).

Целый ряд слов находится и сейчас на грани наречия и союза, однако в известных контекстах эти слова относятся уже к категории союза. Хотя приведенные выше союзы часто образованы первоначально от другой части речи, мы должны относить их по происхождению к группе наречных союзов — из-за тесной связи с наречием при употреблении этих слов в качестве союза. К таким словам относятся: эст. *ometi* (*gi*) 'все-таки', ливск. *umit* 'все-таки'; эст. *samuti* 'также' (по форме, вероятно, это первоначально был абессив + инструктив множ. ч. от слова *sama* 'тот же' — < **samoitta* — *in*); вепск. *tändõ* 'в противном случае' (первоначально, вероятно, это был инструктив — < **tändoin*; ср. вепск. *silõ* 'тогда', финск. *silloin* 'тогда' и др.); финск. (диал.) *perästäkin* 'все-таки' (перво-

начально это был элатив от слова *perä* 'задняя часть', с суффиксом *-kin*); финск. *kumminkin* 'все-таки' (первоначально это был инструктив множ. ч. от слова *kumpi* 'который', к которому присоединился суффикс *-kin*); ижорск. и финск. *taas* 'опять, снова' (первоначально это был *s*-овый иллатив — < **taγas*); финск. (диал.) *il(i)mankos* (также *i(l)imampa*) 'поэтому ведь' (< наречие и предлог *ilman* 'без' + *-ko* 'ли' + ? *sitten* 'потом' и *il(i)tampa* < названное выше наречие + *-pa* 'же'). Определенное наречие, вероятно, легло в основу и финского диалектного союза *lahti* 'хотя и', хотя точных данных о его происхождении не имеется.

Своеобразную группу образуют так называемые слова с начальным *va(i)*-. К ним относятся ижорск. и финск. *vaan* (иногда также *van*, *va*) 'а, но', карельск. *voan* 'но', встречающийся во всех прибалтийско-финских языках *vai* 'или', эст. *või* 'или'; эст. *vaid*, водск. *vait* 'однако, так как'; водск., финск. и карельск. *vaikka* ~ *vaikk* (последний встречается также в ижорском языке) 'хотя, хотя и', финск. *vaihka* 'хотя'; финск. *vaiko* 'или'; финск. и карельск. *vain* 'а, но'. Этимологически союзы *vaan* и *vain* считаются инструктивом от слова *vaiva* 'труд, трудность, мука' (< **vaiṽoin*); союз *vaikka* (а также *vaihka*) *ka*-суффиксальной формой существительного **vaihe* 'промежуток' (по Л. Хакулинену, *vaikka* < *vaihka* < *vaehka* < **vajehka*), в то время как происхождение *vai* (а также *või*) и *vaid* остается до сих пор проблематичным. Правда, слово *vai* считалось некоторыми учеными заимствованием (В. Грюнталь), а иногда его связывали с венгерским словом *vagy* 'или' (О. А. Ф. Блумштедт). Некоторые ученые указывали на происхождение его от соответствующего прибалтийско-финского междометия (Л. Кеттунен). Слово *vaiko* состоит из союза *vai* и вопросительного суффикса *-ko*. Все союзы с основой *va(i)*- по своей функции тесно связаны прежде всего с соответствующими наречиями. Возможно, что в данном случае даже следует предположить происхождение их от какой-то общей и до сих пор неизвестной основы *vā-* (*vai-* в таком случае следует считать формой множ. ч. данной основы). Происхождение от одной и той же основы подтверждалось бы в таком случае и функциональным сходством с соответствующими союзами (все они относятся к группе разделительных, противительных или уступительных союзов).

В группе союзов, связанных по происхождению с наречием, доминирует противительная функция (например, слова *ain*, *aivastee*, *arvollee*, *eranes*, *kumminkin*, *ometi*, *taas*, *täyvelleen* ~ *täüvelläh*, *vaan*, *vaid*, *vain*, а отчасти также *vaikka*). Несомненно, противительную функцию выполняют и слова *il(i)mankos*, *kaikitenki*, *perästäkin*, несмотря на то, что более точные

данные об их употреблении отсутствуют. Уступительную функцию выполняют *lahti* и *vaikka* (в эст. иногда также и слово *või* 'или'). Среди других союзов данной группы слова *vai* ~ *või* (также и *vaiko*) и *tändõ* имеют в основном разделительное значение, *amut* и *vieläpä* — соединительное, *e'zmäks* и *jedlem* (в калининском диалекте карельского языка местами также *vain*) — временное, а *muga* и *samuti* — пояснительное значение. Кроме того, слово *vai* в валдайском диалекте карельского языка употребляется и в качестве причинного союза; в калининском диалекте карельского языка слово *vain* — в роли условного союза.

В прибалтийско-финских языках большое значение в образовании союзов имеет и глагол, причем можно выделить три группы слов: союзы, образованные непосредственно от какой-либо глагольной формы (за исключением глагола с отрицанием); союзы, непосредственно связанные с глаголом отрицания или производные от него и, наконец, союзы, к которым присоединяется какая-либо личная форма следующего за ним глагола отрицания.

В первую группу союзов входят, например, финск. и карельск. *ana* 'чтобы, для того чтобы'; финск., карельск. и вепск. *ka* 'тогда, так' (в финском и карельском языках также 'а, но'); финск. *näet* ~ вепск. *näged* 'именно'; финск. *tai* ~ *tahi* ~ *taikka* ~ *tahikka* 'или', ижорск. *taik* 'или', карельск. *tahi* 'или'; вепск. *t'edan* 'именно'. Из них *ana* и *ka* являются 2 лицом ед. ч. повелительного наклонения от основы данного глагола (ср. в первом случае финск. *antaa* 'дать' и карельск. *andoa* 'дать'; во втором случае финск. *katsoa* 'смотреть'); *t'edan* — это I лицо ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. от глагола *t'eda* 'знать'; *näet* ~ *näged* — 2 лицо ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. от глагола *nähdä* (вепск. *nähtä* 'видеть'). Союз *tai* ~ *tahi* — это первоначально оканчивавшийся на *k*-латив от основы глагола *tahto* (ср. финск. *tahtoa* 'хотеть'); в словах *tahikka* ~ *taikka* к лативу присоединяется ударный суффикс *-ka* (*taikka* < *tahikka* < **tahdikka*; ср. также *elikkä* 'или' и *vaikka* 'хотя и').

По своей функции *tai* (также и *tahi* ~ *tahikka* ~ *taikka*) — это разделительный союз, *näet* ~ *näged* и *t'edan* — пояснительные союзы, *ana* — общеподчинительный союз и союз цели. Слово *ka* обычно является союзом следствия; в вепском языке, кроме того, *ka* выступает и как союз причины, а в карельском языке — в роли противительного и, значительно реже, общеподчинительного союза.

Во всех прибалтийско-финских языках различные личные формы глагола отрицания употребляются и в качестве союзов. При этом можно отметить несколько возможностей такого употребления. Наиболее обычным является повторение *ei* —

т. е. формы 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.; реже встречается повторение других личных форм (эст., ижорск., финск. *ei* ... *ei*, ливск. *äb* ... *äb*, водск. *eb* ... *eb*, вепск. *i* ... *i* 'ни ... ни'). Иногда *ei* является одиночным, неповторяющимся союзом. Наряду с этим широко употребляется отрицательное слово *ei* с суффиксом *-ka* (\sim *-kä*) (эст. *ega*, ливск. *äbkä* \sim *äpk*, финск., ижорск. и карельск. *eikä*, вепск. *eika*, *epka*, *eka* 'и не' и т. д.). И в данном случае чаще всего употребляется форма 3 л. ед. ч. Кроме указанных двух видов в прибалтийско-финских языках известно также употребление повторяющегося суффикса *-ka* \sim *-kä* с отрицанием, (эст. *ega* ... *ega*, финск. *eikä* ... *eikä*, карельск. *eigä* ... *eigä* 'ни ... ни'), а также смешанный вид, т. е. употребление личной формы глагола отрицания вместе с суффиксом *-ka* \sim *-kä* в функции союза (эст. *ei* ... *ega*, ливск. *äb* ... *äbka*, финск. *ei* ... *eikä* 'ни ... ни' и т. д.).

Все эти четыре конструкции с глаголом отрицания выполняют роль соединительного союза, реже — союза разделительного (вепск. *ega*, *eikä* 'или иначе') и причинного (карельск. диал. *eka* 'так как', вепск. *ika* 'так как'). Кроме того, с глаголом отрицания связан карельский (калининск.) разделительный союз с пояснительным оттенком значения *einin* 'или, или тогда' (*ei* + союз *nin*), ливский сравнительный союз *äpku* 'как' (последний образовался не без влияния латышского языка — 3 л. ед. ч. *äb* \sim *äp* 'не' + союз *ku* 'как'; ср. латышск. *ne-ka* 'как'), а также слово *eb* 'как' в кривинском диалекте водского языка. С точки зрения происхождения не совсем ясно, входил ли первоначально в состав союза *eb* союз *ku* или нет.

Слияние глагола отрицания (вернее, отдельных его личных форм) с предшествующим союзом встречается прежде всего в финском языке. Такими союзами являются, например, финск. *ellä* 'если' (*ellä en* > *ellen* 'если я не' и т. д.), *että* 'что', *jolla* 'если', *jolsa* 'если', *jolta* 'если', *jonsa* 'если', *jossa* 'если', *koska* 'так как', *mutta* 'но', *vaikka* 'хотя и' и т. д. Кроме того к данному типу союзов относятся также вепск. *ki* 'тогда не, так не' (< *ka i*), водск. *kot* 'если ты не' (< *ko et*), *ku't* 'если ты не' (< *ku et*).

Кроме перечисленных выше трех частей речи — местоимения, наречия и глагола — и другие части речи связаны с происхождением союзов, а именно предлоги, послелоги, существительные и числительные.

Образование союзов от предлогов и послелогов является по существу характерной особенностью всех финно-угорских языков, причем на первом месте в этом отношении находятся послелоги (особенно в удмуртском языке). В прибалтийско-финских языках с предлогами и послелогами связано происхождение следующих союзов: финск. (устное нар. творч. и

диал.) *kanssa* 'и'; финск. и карельск. *paitsi* 'кроме'; эст. *saadik*, финск. *saati* ~ *saatikka* 'тем менее, тем более'; ливск. *sādes* 'пока'; эст. *saanik* ~ финск. *saanni* ~ *saannikka* 'пока, тем более, тем менее'; эст. *sellepärašt* 'потому', водск. *senēperässä* 'потому', ливск. *sie p'erāšt* 'потому'; финск. *sentähden* 'потому' ~ эст. (диал.) *señdā* 'потому'; финск. *sen vuoksi* 'потому'. Часть перечисленных слов по существу является послелогоми и предлогами (напр. *kanssa* — ср. послелог *kanssa* 'вместе, с'; *paitsi* — ср. предлог *paitsi* 'кроме, за исключением'), однако они могут быть и союзами. В эту же категорию входят и частицы с основой *sā-*, которые употребляются в основном в качестве послелогов. Такие частицы, как *saadik* и *saati*, являются терминативом на *-k* (< **sättik*); *saatikka* — это форма с наращением суффикса *-ka* (< **sättikka*); *sānik* ~ *saan(n)i* (< **sānnik*) терминатив на *-(n)ni*; *saannikka* — это опять форма с наращением суффикса *-ka* (< **sānnik* + *-ka*). Ливское *sādes* представляет собою *s*-ый терминатив основы *sā-*.

Первоначальная связь с предлогами и послелогоми устанавливается и в некоторых сложных (реже в составных) союзах, а именно в след. словах: *sellepärašt* ~ *senēperässä* ~ *sie p'erāšt* (ср. послелоги в эст. *pärašt*, в водск. *perässä*, в ливск. *p'erāšt* 'из-за, ради'), *sentähden* ~ *señdā* (ср. послелог в финск. *tähden* 'ради, из-за'), *sen vuoksi* (ср. послелог в финск. *vuoksi* 'ради, из-за').

По своей функции *kanssa* и *saadik*, *saati* ~ *saatikka* — это соединительные союзы (финск. *saati* ~ *saatikka* иногда выполняет функцию условного союза), *paitsi* — противительный союз, *sādes* — союз временной, *sellepärašt* ~ *senēperässä* ~ *sie p'erāšt*, *sentähden* ~ *señdā* и *sen vuoksi* — союзы следствия. Относительно функции союзов *sānik*, *saanni* ~ *saannikka* точные данные пока отсутствуют.

С существительным связано образование эст. *aga* 'а', ливск. *aga* 'или' (реже: 'но, а'); финск. (диал.) *ammoin* 'тем более, тем менее'; финск. *ikään* 'словно, как'; вепск. *kudaig(a)* ... *sidaig(a)* 'когда... тогда'; *silaiгал* 'тогда'; эст. *kuivõrd* ... *seevõrd* 'насколько... настолько', вепск. *kuverdan* ... *severz* 'насколько... настолько'; эст. *nimelt* 'именно'; финск. *nimittäin* 'именно'. Эти слова перешли в категорию союза через промежуточную адverbиальную ступень (иногда они в современном языке выступают в роли наречия), однако в данном случае ясно устанавливается лежащая в основе форма им. существительного. Из перечисленных выше слов *aga* — это первоначальный иллатив от слова *aeg* 'время' (< **aikahen*, в литератур. языке XVII века *agas* < **aikahensa*), а *nimelt* — аблатив от слова *nimi* 'имя'; *ammoin* — это, по-видимому, инструктив

множ. ч. от слова *ammo* 'древнее время'. Союз *nimittäin* образован от слова *nimi* 'имя' с помощью добавления суффикса *-ttäin*. В свою очередь, второй компонент союзов *kudaig(a)*, *sidaig(a)* следует считать партитивом от слова *aig(a)* 'время' (*kudaig(a)* < *kuta aika-* и *sidaig(a)* < *sitä aika-*); в слове *silaiгал* вторая часть слова является адессивом от слова *aig(a)* (< *sillä aiḡalla*). Слова *kuivõrd ... seevõrd* и *kuverdan ... severz*, вероятно, соотносительны с эст. *võrd* (: *võrra*) 'столько', финск. и вепск. *verta* (: *verran*) 'столько'. Очевидно, эллипс обусловил образование формы *ikään* (< *ikään kuin* 'точно, словно'; слово *ikään* 'точно, как' здесь наречие). По своей первоначальной падежной форме *ikään* является иллативом от слова *ikä* 'век'.

По функции *nimelt* и *nimittäin* — пояснительные союзы; коррелятивный союз *kuivõrd ... seevõrd*, а также нередко и *ikään* (последний иногда бывает союзом времени) — это сравнительные, *kudaig(a)*, *sidaig(a)* и *silaiгал* — союзы времени, *aga* — в эстонском языке противительный, а в ливском языке в основном разделительный союз (реже — противительный и иногда соединительный союз). На основании значения следовало бы к соединительным союзам ('тем более, тем менее') причислять и слово *ammoin*.

С числительным по своему происхождению связано карельск. *ühelläh* 'все же, все-таки'; финск. *yksin* 'и'; финск. *ynnä* 'и'. Карельское слово *ühelläh* — это адессив от числительного *üksi* 'один' (финск. *yksi*), сохраняющий рудимент притяжательного суффикса 3 л. (-h), *yksin* — инструктор от того же числительного и *ynnä* — эссив (*ük(t)nä* > *üknä* > *ynnä*). Обычно *ühelläh* и *yksin* выступают в роли наречия, реже — в роли союза (например, по данным А. Генетца). В последнем случае слово *yksin* выполняет функцию соединительного союза, слово *ühelläh* же, вероятно, является противительным союзом. Слово *ynnä* когда-то было наречием, но в настоящее время оно выполняет лишь функцию соединительного союза.

Вообще исконные прибалтийско-финские союзы имеют различное происхождение, причем время их появления также весьма различно. Точное определение времени образования союзов затрудняется из-за отсутствия данных, однако приблизительно можно все-таки кое-что установить. Так, до сих пор предполагали, что в прибалтийско-финском языке-основе из упомянутых выше слов было только три союза: *et* (финск. *että* 'что'), *jos* 'если' и *kui(n)* 'как' (последний вместе с союзом *ku(n)*). Они употребляются и сейчас во всех или в большинстве прибалтийско-финских языков.

Общеприбалтийско-финским является и союз *vai* (в эстонском языке в большинстве случаев *või*) 'или', данный союз

можно отнести к периоду существования прибалтийско-финского языка-основы.

Кроме того, в рассматриваемой языковой группе широко распространены также союзы *konsa* 'когда' (нет данных лишь из ливского языка), *nii(n)* 'так, итак' (нет данных из вепского языка), *siis* 'тогда, следовательно' (нет данных из карельского и вепского языков), конструкция с глаголом отрицания *ei...ei* 'ни...ни' (отсутствуют данные из карельского языка) и *ega* 'ни' (отсутствуют данные из водского языка). Несомненно, что и эти прибалтийско-финские слова относятся к древним по происхождению союзам. В отношении слов *konsa*, *nii(n)*, *ei...ei* и *ega*, по-видимому, следует предполагать, что они употреблялись уже в период существования прибалтийско-финского языка-основы.

Если в настоящее время тот или иной союз в одном из языков не употребляется, то это означает, что их исчезновение происходило постепенно и в течение продолжительного времени. В принадлежности союза *siis* к прибалтийско-финскому языку-основе можно усомниться, т. к. его нет в двух весьма важных представителях этой языковой группы — карельском и вепском языках. Неясным остается пока также происхождение союза *kun(n)i* 'пока' и его многочисленных фонетических вариантов. Правда, все они употребляются в современных прибалтийско-финских языках, но можно установить образование того или иного варианта от двух различных терминативов: — от формы на *k-* (< **kunnik*) и формы на *s-* (< **kunnis*). Не совсем ясно, были ли эти союзы уже с самого начала в составе лексики прибалтийско-финского языка-основы или они образовались в отдельных языках уже после распада языкового единства.

Все остальные союзы прибалтийско-финских языков, а также их диалектов распространены в меньшей степени и образовались, без сомнения, в более позднее время.

IV

В последней — третьей — главе диссертации анализируются заимствованные союзы прибалтийско-финских языков, а именно их распространение, происхождение и функции. Следует отметить прежде всего, что заимствование союзов в финно-угорских языках — явление сравнительно позднее, причем оно относится в основном к периоду формирования литературных языков. Это касается прежде всего обско-угорских, пермских и волжских языков, но некоторые союзы перешли в те или иные языки, несомненно, раньше этого времени.

В прибалтийско-финских языках имеются русские, германские и латышские союзы — заимствования. По количеству на первом месте стоят русские заимствованные союзы.

Так, из русского языка заимствованы следующие союзы: в водском, ижорском, карельском и вепском, а также в некоторых диалектах эстонского языка и восточных диалектах финского языка союз *a* 'а'; в водском, карельском, вепском языках и в лутсовском диалекте эстонского языка *ali* 'али (или)'; в водском, ижорском и карельском *butto* 'будто' (в карельском также *buitto*), а в сетуском диалекте эстонского языка *bõtto* (< *будто*); в водском, ижорском, карельском, вепском языке и лутсовском диалекте эстонского языка *da* (иногда *ta*) 'да' и (реже) 'но'; в водском, ижорском, карельском, вепском, в восточных диалектах финского языка и в южноэстонском союз *hot* ~ *hoti* 'хотя' — в вепском 'или, хотя' (< *хоть*); в водском, ижорском, карельском, вепском, в финских диалектах Ленинградской области и лейвуском диалекте эстонского языка союз *i* 'и'; в водском, ижорском, вепском и в южноэстонских говорах *vet* (в эстонских говорах иногда *vet* ~ *vetta*) 'ведь'; в водском, карельском (калининском диалекте) и в южноэстонских говорах союз *ato* 'ато'; в водском, ижорском, карельском и вепском *hoś* 'хотя' (< русск. диал. *хос*, *хош* 'хотя'), *ili* ~ *il'i* 'или', *jesli* (~ *jesli* ~ *jēsli* ~ людско-карельск. *ježel* (< *ежелу*) 'если', *libo* (~ *l'ibo*) 'либо', *no* 'но'; *što* (~ в вепском также *tšto* и в водском *ešto*) 'что', *štobō* (~ *štobi* ~ *stob* ~ *štob*, в вепском также *tštobu*) 'чтобы, чтоб'; в водском, ижорском и карельском *dai* (реже — *da i*, *dei* и т. д.) 'и' (< *da* + *u* иногда *da u*); *to* 'то'; в водском, карельском и вепском *odnako* 'однако'; в карельском и вепском *ni* ... *ni* (иногда лишь *ni* или *ni*) 'ни ... ни'; в водском и карельском *potomu što* 'потому что'; в людско-карельском и вепском *tol'ko* 'только'; в водском *ito* 'и то', *taki* 'так', *tak što* 'так что'; в вепском *ibo* 'ибо', *kromi* 'кроме'; в карельском *kak* 'как', *rounu* 'ровно'; в карельском (калининском диалекте) *poka* 'пока', *tšem* 'чем'; в людско-карельском *bud'e* 'буде'.

Синтаксическая функция перечисленных выше слов в прибалтийско-финских языках в основном та же, что и в русском языке. Так, напр., *dai*, *i*, *ni* ... *ni* и *da* являются соединительными союзами (последний лишь иногда выступает в значении противительного союза); *ili*, *libo* и *ali* — разделительные союзы (*ali* в лутсовском диалекте эстонского языка иногда имеет также оттенок противительного союза); *ato*, *no*, *tol'ko*, *a* — противительные союзы (*a* в людско-карельском и вепском иногда имеет соединительное значение); *ito*, *odnako*, *taki* — противительные и уступительные союзы, *butto* (~ эст. *bõtto*), *kak*,

rounu, tšem — сравнительные, *bud'e, jesli* — условные, *ibo, potomu što* — причинные союзы, *poka* — временной, *tak što* — союз следствия, *to* — союз следствия, *vel'* — пояснительный и *hos* — уступительный союз. В значении уступительного союза употребляется и слово *hot'*, но в вепском оно может быть и разделительным союзом, а в водском выражает иногда и оттенок условия. Союз *štobõ* в основном выполняет причинную функцию, реже это общеподчинительный союз; *što* — общеподчинительный союз, союз цели, причины, сравнения и следствия. Точные данные о функции слова *kromi* отсутствуют.

Встречаются также и так называемые частичные заимствования: одна часть представляет какой-либо компонент русского союза, а другая — исконное слово соответствующего прибалтийско-финского языка. К таким союзам относятся, например, эст. диал. *asi* 'но когда, но если' (< русское *a* + эст. *ku(i)* 'когда, если'); водск. *etšto* (также *et što*) 'что' (< водск. *etti* 'что' + русск. *что*); финск. (восточн. диал.) и карельск. *puitto kun* (в карельск. также встречается *buitto kuin ~ butto kui* и т. д. 'как будто' (< русск. *будто* или *буйтто, буйдто* + прибалтийско-финское *kui(n)* 'как, когда'); карельск. *abo 'a* (< русск. *a* + карельск. *-bo* 'же'); *sentäh što* 'потому что' (< карельск. *sentäh* 'потому' + русск. *что*); карельск. литер. *senđäh чтобы* 'для того чтобы' (< карельск. *senđäh* 'потому, для того' + русск. *чтобы*); *куй ... муга и* 'как ... так и' (< карельск. *kui ... muga* 'так ... как' + русск. *и*); *муга что* 'так что' (< карельск. *muga* 'так' + русск. *что*); вепск. *añitaki* 'все-таки' (< вепск. *añi* 'очень' + русск. *все-таки*); *kuti* (также *kut i*) 'будто' (< вепск. *kut* 'будто' + русск. *и*); *mi(t)što* 'чтобы, для того чтобы' (< вепск. *mi* 'что' + русск. *что*); *rovno ku* 'словно' (< русск. *ровно* + вепск. *ku* 'как'); *tšto ku* 'словно' (< русск. *что* + вепск. *ku* 'как, словно'). Вепское *a še* 'или' представляет собою частичный переводный союз (по аналогии с русским *ато*) — *a* заимствовано из русского языка, но *то* переведено на вепский язык. Происхождение водского и ижорского *tali* 'или' пока точно не установлено. Здесь можно предположить контаминацию исконных прибалтийско-финских союзов *tahi* 'или' и *eli* 'или' (А. Генетц), однако возможна и контаминация прибалтийско-финского союза *ta(h)i* 'или' и русского союза *али* или *или*.

По своей функции *kuti, puitto kun, rovno ku, tšto ku* — сравнительные союзы, *a še* и *tali* — разделительные, *etšto* — общеподчинительный, *mi(t)što* — общеподчинительный союз и союз цели, *senđäh štobi* — союз цели, *abo* — противительный союз, *kui ... muga i* — соединительный союз, *muga što* — союз следствия и *sentäh što* — союз причины. Эст. *aGu* явля-

ется одновременно противительным и временным союзом; об употреблении вепского *añitaki* данные отсутствуют.

Союзы, заимствованные из русского языка, встречаются прежде всего в водском, ижорском, карельском и вепском языках, в которых влияние русского языка сказывается более интенсивно, чем в др. языках. В эстонском языке русские заимствования обнаруживаются в южноэстонских диалектах; в финском языке — в его восточных диалектах. В ливском языке, который менее других соприкасается с русским языком, русских союзов вообще не отмечено. Все перечисленные выше союзы заимствованы из русского языка в сравнительно позднее время.

В прибалтийско-финских языках распространены, кроме того, следующие союзы, входящие к германским языкам: в эстонском, ливском, водском, ижорском, финском и карельском союз *ja* 'и'; в эстонском — *ent* 'а, но', в финском союз *entä* 'а, но'; в ливском — *alz* 'когда'; в финском *toki* 'все-таки'; в южноэстонских диалектах *enge* 'но'.

Из названных выше союзов *ja* — это древнегерманское заимствование, причем по мнению большинства лингвистов (В. Томсен, Э. Н. Сетэлэ, К. Квигстад, К. В. Виклунд и др.), оно восходит к древнескандинавской форме, но по Л. Хакулинену *ja* является древнегерманским заимствованием. Весьма древним германским заимствованием следует признать также *ent* (~ *entä*), происхождение которого связано с древнешведским или даже древнескандинавскими языками. В основу этого слова легло древнескандинавское *en* 'а', к которому присоединился ударный суффикс *-pa* 'тогда' (таким образом, исходным является **enpa*). Имеются, однако, и противоположные мнения. Так, А. Генетц считает *ja* исконным прибалтийско-финским союзом для всех языков данной группы, образованным от местоименной основы *ja*. Вместе с тем Х. Оянсуу полагает, что союз *entä* является партитивом прибалтийско-финской основы *e-*, причем *-n-*, по его мнению, это суффикс (следовательно < **e — n — tä*). По нашему мнению, более достоверной следует считать точку зрения, согласно которой как *ja*, так и *ent* (~ *entä*) являются очень древними германскими заимствованиями.

Слово *alz* — представляет собою более позднее заимствование из немецкого языка (< немецк. *als* 'как'); *toki* — это шведское заимствование (< шведск. *dock* 'все-таки').

Относительно происхождения слова *enge* высказываются различные предположения. Некоторые (Э. А. Экман) считают, что это сложное слово, первая часть которого — *en* — является поздним германским или древнешведским заимствованием,

а вторая часть — *ge* — представляет собою эст. суффикс *-gi*. Вместе с тем, некоторые считают слово *enge* производным образованием или от глагола отрицания (напр. эстонский лингвист В. Грюнталь: < *en* 'не' + *-kã* 'и, тоже'), или от местоименной основы *e-* (X. Оянсуу: < инструктив *ein* + *-kin* 'же').

Однако окончательное разрешение данного вопроса невозможно, хотя семантическая сторона первой части этого слова позволяет относить его к германским заимствованиям (ср. древнешведск. *en* 'а, однако', древнедатск. *en(d)* 'а, однако'). Следовательно, *enge* можно было бы отнести к частичным германским заимствованиям.

По своей функции *ja* — это соединительный союз, *alz* — временной, *ent* (~ *entã*), *toki* и *enge* — противительные союзы.

В основном германские заимствования наблюдаются в тех прибалтийско-финских языках, которые относятся к западным прибалтийско-финским языкам (эстонский, финский, ливский), т. к. эти языки имели более продолжительное и тесное соприкосновение с германскими языками. Только один союз широко распространен почти во всех прибалтийско-финских языках — это союз *ja*, не встречающийся лишь в вепском языке.

Латышские заимствования встречаются чаще всего в ливском языке, реже — в эстонском языке (в лейвуском и лутсовском диалектах) и в крвинском диалекте водского языка. Из латышского языка заимствованы следующие союзы: в ливском, в лейвуском диалекте эстонского языка и крвинском диалекте водского языка союз *bet* 'но, а' (< латышск. *bet* 'но, а'); в ливском языке и крвинском диалекте водского языка *jo* 'так как' (< латышск. *jo* 'так как') и *un* 'и' (< латышск. *un* 'и'); в ливском союзы *in* 'и' (< латышск. диал. *in* 'и'), *ja* 'если' (< латышск. *ja* 'если'), *jeb vei* 'хотя' (< латышск. *jeb vai* 'хотя'), *jo ... jo* 'того ... чего' (< латышск. *jo ... jo* 'того ... чего'), *kamet* ~ *katãr* 'пока, в то время как' (< латышск. *kamet*, *katãr* 'пока, в то время как'), *lai* 'чтобы, для того чтобы' (< латышск. *lai* 'пусть, хотя и'), *ni ... ni* 'ни ... ни' (< латышск. *ni ... ni*, *ne ... ne* 'ни ... ни'; в латышском это заимствование из русского языка). Латышским заимствованием является и употреблявшийся в свое время в ливском языке союз *an* 'и'. Л. Кеттунен считает, что это фонетический вариант слова *un* 'и'.

По своей функции *an*, *in*, *un*, *ni ... ni* — соединительные союзы, *bet* — противительный, *ja* — условный, *jeb vei* — уступительный, *jo* — причинный, *jo ... jo* — сравнительный, *kamet* (~ *katãr*) — временный союз, *lai* — союз цели.

Все перечисленные выше латышские заимствования сравнительно позднего образования — точное установление вре-

мени заимствования невозможно. Исключение представляют лишь латышские заимствования в кривинском диалекте водского языка, проникновение которых возможно лишь после 1447 года, т. е. после того, как часть населения водской национальности была переселена на латышскую территорию.

Если сравнить между собой русские, германские и латышские заимствования, то с точки зрения количества на первом месте окажутся русские, затем латышские и, наконец, германские заимствованные союзы. По времени проникновения самыми ранними являются те германские слова, которые относятся к т. н. древнегерманским заимствованиям (*ent, ja, ?enge*). Остальные союзы, заимствованные из германских, а также из русского и латышского языков относятся к значительно более позднему времени. Многие из них (особенно русские заимствования) являются современными заимствованиями.

*

В заключении диссертации кратко излагаются те основные положения, результаты и выводы, к которым автор пришел в процессе своей работы. Так, автор в заключении указывает на то, что в отдельных языках, а также и диалектах прибалтийско-финских языков в настоящее время употребляется довольно большое количество союзов как исконно прибалтийско-финских, так и заимствованных из других языков.

подавляющее большинство союзов — это исконные прибалт.-фин. слова, несмотря на то, что в восточной группе прибалтийско-финских языков (вепском, карельском, ижорском и водском языках) количество заимствованных союзов постепенно все увеличивается (за счет в основном русских заимствований).

Больше всего заимствованных союзов в карельском языке; за ним следует водский, вепский и ижорский языки. Меньшее количество заимствованных союзов наблюдается в эстонском и ливском (более или менее одинаковое соотношение) языках; меньше всего их в финском языке. Если сравнить в количественном отношении исконные и заимствованные союзы в каждом языке в отдельности, то выясняется, что в эстонском и финском языках первые заметно преобладают (здесь употребляются лишь единичные заимствованные союзы), в ливском и ижорском языках количество заимствованных союзов мало отличается от количества исконных прибалт.-финских союзов, но последние пока доминируют, а в вепском, водском и карельском языках господствующее положение занимают заимствованные союзы (в основном они заимствованы из русского языка).

В конце работы помещена таблица, наглядно иллюстрирующая функции союзов в отдельных прибалтийско-финских языках (функции простых союзов).

За заключением следует список использованной литературы и допущенных в работе сокращений, а также перечень рассмотренных в диссертации союзов.

СТАТЬИ,

напечатанные по теме диссертации Р. Карелсона:

1. Soome-ugri keelte lausestruktuurist seoses konjunktsioonidega. [По поводу структуры предложений в финно-угорских языках и ее зависимости от союзных слов.] Emakeele Seltsi aastaraamat IV. Tallinn 1958, стр. 195—211.
2. Pronoomenitüvedest *e-*, *ja-* ja *jo-* tulenevaid sidesõnu läänemeresoome keeltes. [Союзы, образованные из местоименных корней на *e-*, *ja-* и *jo-*, в прибалтийско-финских языках.] Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Vihik nr. 77. Tartu 1959, стр. 3—40.
3. Läänemeresoome keelte *mi-* ja *mü-*tüvelised sidesõnad. [Союзы, образованные из местоименных корней *mi-* и *mü-*, в прибалтийско-финских языках.] «Keel ja Kirjandus» nr. 12, 1958, стр. 738—746.

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00507903 5